

Оппонент, профессор А.Б.Иванов:
— Но, молодой человек! В вашем... э-э... сочинении нет никакой документальной основы!

Пятикурсник Иван Повилика:
— Ну и что?

Диалог на защите дипломной работы...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАРТА АМБРУАЗА ТАРДЪЕ

Снежная пыль

1

анки у Гриши были знаменитые. Про них знали не только мальчишки и девчонки Ляминской улицы и окрестных переулков, знала и ребятня с того берега Городищенского лога. Сделал санки Кондрат Алексеевич Луков («мастер по всем деревянным премудростям», как он сам про себя говорил) — сосед и приятель купца Максарова. Он и максаровским дочкам смастерил сани, но не такие, как для Гриши, а одни на всех — чтобы вместе было не страшно и весело. А Грише сказал:

— Ты ведь ямщицкого корня, надобно тебе салазки быстрые и лихие, чтобы слушались, как верная твоя лошадка...

Они такие и получились — легкие, поворотливые, с чудо какими скользкими полозьями. Впереди полозья широко загибались вверх и назад. На их концах Кондрат Алексеич вырезал прищуренно глядящие вперед конские головки — с прижатыми ушами и откинутыми, будто встречным воздухом, гривами.

Прокатиться на таких — всякому охота. Вот и приста-
вали:

— Гришуня, можно съехать разочек?

— Булат, дай скатиться на твоих коняшках!

Гриша давал, потому что просили по-доброму, без на-
скоков. Иногда, правда, отвечал:

— Обождите ради Христа. Ежели всякому не отказы-
вать, сам-то я когда кататься стану?

Ну, тогда отступались на время, народ был понятли-
вый...

Катались в самом начале Ляминской, там, где улица
прижималась к логу. С одной стороны — заборы и ворота
с накладными узорами, дома и домики с крылечками и
кружевными дымниками на заснеженных крышах, с дру-
гой — крутой откос, под которым широкое дно лога, где в
сугробах спит застывшая речка Туренка. Вот с откоса и
скатывались — кто на больших и малых санках, кто на са-
модельных лыжах из бочковых клепок, а кто и на рогож-
ках. Визгу и смеха здесь хватало всю зиму — и под солн-
цем, и под луной.

Нынче зима была уже на исходе, давно миновало Кре-
щенье и недавно — Сретенье, впереди маячила Маслени-
ца, а за ней Великий пост — время строгое, когда, по сло-
вам взрослых, много веселиться грешно. Да и какое весе-
лье, какие санки весной, в распутицу! Но пока еще стояли
февральские холода, и о недалекой весне говорило лишь
то, что закаты стали не такими ранними. Послесолнечная
розовость дольше, чем прежде, висела над низкими кры-
шами и черными елями Городища, а в заре повадился ку-
паться тощий месяц, над которым дрожала переливчатая
звезда. Месяц был похож на серебряную подковку (уж
не от Гришиных ли санных лошадок?).

Девочки на своих розвальнях катались сами по себе,
лишь изредка окликали Гришу. Он им в ответ махал ов-
чинной рукавицей. Максаровских дочек было четыре: са-
мая большая, на год старше Гриши, — Аглая, потом его
ровесница Оля, после еще с разницей в год и два — Та-
нюшка и Катенька. Была и пятая — Лизавета — но ее по-
ка в такие игры не брали: больно мала, третий год...

Скользкий путь с высокого края улицы до Туренки

стремителен и недолог: полминуты встречного снежного свиста — и вот уже подлетаешь к заиндевелым кустам, что съежились вдоль берега. А иногда, если разгон получился хорош, можно через кусты, по застругам и наледям, вылететь на другой бережок (его сразу и не разглядишь среди сугробов). Опасности тут никакой, в Туренке поблизости нету ни одной проруби. Да ежели бы и была, то самая большая беда — замочишь валенки и подол шубейки, потому что глубина здесь «курице по пузо».

От скорого полета на санках обмирает душа. Но это в первые разы, пока не привыкнешь, а потом хочется *еще чего-то такого, новенького*. Вот и стараешься то с разгона увеличить быстроту, то взлететь повыше на ухабе, то с хохотом напугать столкновением дружка-приятеля, то...

Гриша придумал такую забаву. Уже внизу, на полпути от ската к речке, он пяткой валенка замедлял скорость санок с одного бока, те делали резкий поворот и уносили хозяина с накатанных мест в рыхлость нетронутого снега. Там Гриша опрокидывался на спину, взмахивал рукавицами, а снег взлетал над ним пуховой тучей, в которой начинали дрожать тысячи крохотных искр. Это месяц и большая звезда, и отблески заката рассеивали в снежной пыли свой сказочный свет.

Отсюда, снизу, крыши были уже не видны, только острые макушки елей чернели над кромкой откоса. Но месяц и звезда никуда не девались. Наоборот, в легкой снежной завесе они сделались ближе и крупнее, нависали почти что над лицом — протяни руку, и дотронешься до светящейся теплоты. Гриша не протягивал, чтобы не обмануться в сказке...

Когда розовый закат почти угас, а месяц разгорелся, Гриша (в который уже раз!) выбрался наверх. Было по-прежнему шумно и многолюдно. Гриша завертел головой: где они, сестры-то? Но сестер не разглядел, а со стороны услышал несмелый голосок:

— Гриша, можно я прокачусь?

Это был семилетний Агейка, сын сторожа ближней, Михаило-Архангельской церкви. В сумерках и под большим треухом лица Агейкиного было не видать, но Гриша и так знал, сколько на нем крупных конопушек. Агейку

за конопушки не дразнили, нрава он был покладистого и тихого, и потому никто его не обижал. Агейка редко обращался к кому-нибудь с просьбами, ну а если попросит, как такому откажешь...

Гриша сунул Агейке в рукавицу веревку от санок.

— Ладно, езжай...

— Не... Можно с тобой?

— Да одному-то ловчее!

— Не... Одному боязно...

— Горюшко ты мое... — сказал Гриша, точно как кухарка Арина, когда он или девчонки что-то роняли или разбивали на кухне.

Он подтянул санки к краю, усадил Агейку перед собой.

— Ну, Агей — не робей!...

— Ага... — отозвался тот с радостной готовностью.

И понеслись!

Агейка раза два взвизгнул, но понятно, что не от испуга, а от радости. И одно только в этой радости было плохо — быстро кончилась.

Вдвоем повезли санки вверх — длинной, косо идущей по склону тропинкой. Склон густо синел в сумерках, а месяц бросал на его неровности пятна зеленоватого света. От Агейки помощи было ни на грош, путался только сбоку, но сказать «не мешай, я сам» было совестно. Агейка же, наверно, думал, что его старательность понравится Грише и тот прокатит его еще...

Может, оно так бы и случилось, но, когда оказались на кромке, Гриша сразу увидел среди мелкой ребятни высокую, закутанную в шаль Арину. И она его увидела.

— Где это вас носит нечистая сила (прости, Господи)! С обеда ушли и пропали. Тетичка Полина Федоровна вся извелась, «иди, — говорит, — Арина, сыщи неслухов». А мне только и заботы, что бегать за вами, на кухне к ужину ничего еще не готово, беда одна...

— Ежели не готово, чего нас раньше сроку домой тащить? — рассудил Гриша.

— А того, что Платон Филиппыч приехали, спрашивают, где дети. «Почему, — говорит, — одна только Лизонька на мне висит?»

— Папенька приехал! — наперебой завизжали сестры, которые невесть откуда оказались рядом.

А еще рядом оказался Ефимка Грач, сын приказчика из скобяной лавки торговца Густова. Сказал с легкостью:

— Ты, Булат, щас домой пойдешь? Оставь мне своих «коняшек» покататься полчасика, я свои сани на кочке хрустнул.

Просьба была довольно нахальная, поскольку в близких приятелях у Гриши Ефимка не числился. И решил уже Гриша ответить: «Свои добил, а теперь мои захотел?» Но глянул на притихшего неподалеку Агейку и ответил неожиданно для себя:

— Ладно, бери. Только не один катайся, а вот с ним, — и кивнул на маленького. — Да не обижай...

— Зачем обижать-то? — честно удивился Ефимка. — Будет, как ты сказал...

— Потом поставь санки у нашей калитки, звякни в колоколец. Кто-нибудь выйдет, заберет...

Девочки той порой весело уговаривали Арину сесть в сани. Мол, домчим до дому за то, что принесла добрую весть о папеньке. Ухватили даже и со смехом старались усадить в легонькие розвальни.

— Да отпустите вы меня, оглашенные! Чё люди-то скажут! Взрослую дурёху малолетки везут! Обсмеют на весь свет!

— А мы скажем, что к Масленице готовимся! Репетиция такая! — нашелся Гриша.

— Какая еще ри...ты... пица? Грех один...

— Репетиция! Ну, подготовка будто к домашнему театру на Рождество! Помнишь?

— Ты, Гришка, угомонился бы! Больно шустрый стал. Вот скажу Платону Филиппычу... у меня есть чего про тебя сказать. Он тебя отдерет за милую душу!

Гриша смеялся (а девчонки упрямо усаживали Арину). Ничего она про него не скажет, хотя и есть что. И никто его не отдерет. Сроду такого не бывало!

...Правда, один раз, прошлой весной, чуть оно не случилось. Гриша гонялся по комнатам за маленькой резвой Катенькой и запустил ей вслед тугой вышитой подушечкой — одной из тех, что лежали по креслам. Катька — вот

ловкая! — животом упала на половицы, подушка пролетела сверху и угодила в тонконогий перламутровый столик у дивана. А на столике красовалась лампа со стеклянным абажуром из розоватого стекла (называется «венцианское»). Лампа — на пол, абажур — вдребезги, Катя — в рёв, хотя она-то здесь ни при чём! Шум, люди... Среди всех сбежавшихся — высокая, ставшая сразу будто деревянной, тетичка Полина Федоровна.

— Это что же такое! Сколько раз тебе, Григорий, говорилось: веди себя в доме пристойно, не шали сверх меры. А ты опять... Такая лампа была! Да не в лампе дело, а в твоём непослушании... Дуся!

Появилась вертлявая кухарка Дуся (взятая временно, в помощь Арине).

— Дуся, принеси-ка вицу!

Девушка хихикнула и ускользнула. И сразу появилась опять — с длинным черным прутом (будто он был припасен заранее). Хихикнула снова — видать, ей было любопытно. А прут показался Грише похожим на голый хвост великанской крысы из его давнего страшного сна. Гриша обмяк и онемел — ни словечка вымолвить, ни пискнуть даже. И будто вата в ушах... Сквозь вату он услышал:

— Помоги-ка, Дуся, этому сорванцу расстегнуть, что надобно...

Дуся придвинулась. От ее фартука пахло рыбьими кишками — наверно, она только что потрошила на кухне осетра...

Гриша беспомощно попятился — мелкими шажочками... Неужели это и вправду? Вот сейчас! Здесь!.. Боли он не боялся, даже и не подумал про нее, но *эта жуть*... при всех, при девочках... Одно дело, когда вместе купались у запруды на Туренке — и мальчишки, и девчонки со всей округи — там никто и не думал про всякое такое, не глядел друг на дружку, только визг да брызги... А тут ведь *со всем другое*... Гриша метнулся по сторонам сырыми глазами, зацепился за взгляд Полины Федоровны. Та вдруг мигнула, глянула иначе.

— Ладно... Дуся, оставь... — И Грише: — А ты ступай... и подумай про свои излишние шалости. Большой мальчик, десять лет скоро... Обещаешь впредь быть разумнее?

Гриша часто закивал (отчего с ресниц срывались капли), и каждый кивок был, как мелкая ступенька в темное укрытие. В сумраке этого укрытия были перемешаны и стыд, и великое облегчение...

Потом Гриша всхлипывал на своей постели, спрятавши лицо в подушке, а разумные Оленька и Аглая утешали его, говоря, что ничего, мол, страшного. Тетичка просто припугнула Гришу, который стал в последнее время чересчур прыгучим. А по правде-то *ничего такого* делать не собиралась.

Может, и правда не собиралась. А может, в последний момент увидала его глаза и пожалела мальчишку. Вспомнила, что сирота...

Четыре сестры тоже были сиротами, но все же не полными, при родном батюшке. А он — и без маменьки, и без отца. Потому и не Максаров, а Булатов.

2

Гришиного отца уважали, как известного знатока лошадей. Несколько лет он служил ямщиком, потом стал шорником. Родом был из Бухарской слободы, что за рекою. Там жили те, кто обитал в этих местах еще в давние времена — до той поры, когда казаки поставили крепость Турень на месте запустелой столицы обширного ханства. Как появилась крепость, люди здешней крови перебрались за реку. Туда же стали съезжаться и торговцы из Бухары. Жили рядом с русскими без больших споров и кровавых стычек, потому что худой мир лучше доброй войны. За рекой места было немерено. Стройся, живи, занимайся ремеслами, рыбачь, разводи огороды, торгуй. Казаки и русские поселенцы обид бухарскому поселению не чинили, те тоже хотели согласия. И нарушалось оно нечасто. Хотя изредка случались всякие стычки, потому что на разных берегах — разные веры. У русских — православная, у бухарцев — магометанская. Ну и ладно, веруй в Господа каждый по-своему, другим не мешай. Так оно в общем-то и было, но за редкими случаями. И такой вот случай выпал заречному шорнику Амиру Булатову и доч-

ке приказчика Егора Савина с пристанских торговых складов. Приглянулись друг другу. Ну и ладно бы — он парень видный, она тоже хороша, да родители Аннушки Савиной только руками развели: как отдавать дочку за нехрестя? Даже и помыслить о таком нет возможности. Вот и отец Пантелеймон из Спасской церкви сказал то же самое:

— Не в том запрет, что кровь иная, а в том, что вера чужая. Как пойдешь супротив Божьих правил... Вот когда бы окрестился он...

Амир и Аннушка при тайной встрече обсудили все и порешили: Господь — он все равно един в целом мире, и если он сотворил так, что у двух людей с разной верою родилась неудержная любовь, не будет греха, когда один примет веру другого. Тем более что и магометане очень даже почитают Христа...

Вот и стал Амир Василием. И свадьбу сыграли вскоре. И была бы у молодых жизнь на загляденье, да только соседи Булатова про веру думали не так, как Василий и Аннушка. Взгляды стали недобрые, слова сквозь зубы, а однажды заполыхала конюшня — еле успели вывести на двор купленных недавно Гнедого да Красотку.

Понял Василий, что не будет жизни в слободе. Ну и ладно. Перебрались на правый, высокий, берег. Там дошел до него слух, что купцу Максарову надобен хороший конюх и кучер и вообще помощник по всяким хозяйственным делам, потому что нанятые прежде работники с делами этими не управляют. И пошел наниматься. Понравились друг другу. Потому как Платон Филиппыч держался без лишней гордости, барина из себя не строил, а плату предложил подходящую. Василий же купцу Максарову пришелся по душе деловитостью, знанием всего, что касается лошадей, и (это Платон Филиппыч усмотрел сразу) спокойной смелостью. С таким не страшно будет и в дальних дорогах, которые выпадали купцу Максарову нередко...

Так оно и получилось. Скоро сделался Василий Булатов не просто максаровским помощником, а, можно сказать, другом-приятелем. Доверенным человеком. Кое-кто из прислуги завидовал ему, но причин для того не было: в

главные управители Василий не метил, с каждым держал себя по-доброму и каждому готов был помочь в работе...

Максаров выделил Булатовым на своем широком дворе флигель с двумя комнатами. Это чтобы Василий всегда был поблизости и чтобы Аннушка не оставалась без помощи, когда хозяин и его помощник отправлялись в поездки.

Жили Василий и Аннушка душа в душу, через год родился Гришенька. И все ладно было до той поры, как случилась беда. Максаров поехал в Тобольск по своим торговым делам, Василий — ясное дело — с ним. Время было зимнее, начало февраля. Отправились не на почтовых, а на своих лошадях. Дорога-то не столь уж и длинная. Управлялись в Тобольске за два дня, а на обратном пути, в сотне верст от Турени, накрыла ездовых небывалая по густоте снега и напору метель.

Ну, что там было, в точности Гриша не знал — Платон Филиппович рассказывал про тот случай неохотно, а другие — по-разному. В общем, двое суток купец Максаров и его верный охранитель провели в розвальнях, укрытые тулупами, согревались глотками из штофа да жевали остатки засохшего каравая. И мерзли, несмотря на тулупы. Василий, как мог, укутывал, берег хозяина, хотя тот и спорил. Ехать было нельзя — чуть сдвинешься в сторону от замеченного тракта и вовсе потеряешь дорогу. Да и лошади двигаться не могли.

Потом пурга ослабела, легло вокруг ровное, в глубоком снегу, поле. И по этому полю пришла другая беда — волчья стая. Вытащили новенькие английские ружья — не те, что заряжаются с дула, а с патронами. На какое-то время отпугнули зверей, да те, видать, поняли, что зарядов у людей немного, стали подступать сызнова. И выли, мерзавцы. Тут опять подкрались сумерки. Платон Филиппыч и Василий сожгли всю солому из розвальней, да волков это не шибко напугало. Голодные были, а голод — он сильнее страха. Люди поняли, что выход один — отдать зверям лошадей. Василий, стреляя с левого локтя, правой рукой вынул тяжелый, как меч, нож, отчаянными взмахами обрубил постромки. Лошади, набравши от ужаса последнюю силу, рванули через глубокий снег. Волки за ни-

ми. И... не вернулись. Видать, хватило хищникам конской добычи. А Максаров и Василий съезжились в розвальнях, под тулупами, моля Бога, чтобы не оставил их Своей милостью.

Он не оставил... К ночи пробилась по занесенному тракту почтовая тройка из Тобольска, подобрала полузамерзших путешественников, отогрели их на ближней станции, что по старому обычаю именовалась «яма»...

После того случая оба сильно хворали — и Платон Филиппович, и Василий. С жаром, с натужным кашлем. Ну, потом поднялись все же. Только купец поднялся окончательно, будто не бывало простуды, а у помощника его в груди затаилась болезнь и весною показала себя снова. Максаров немало потратился на лучших докторов, да, видно, такая судьба была у Василия — в мае схоронили. Платон Филиппович ходил сам не свой, а про Аннушку и говорить нечего — месяц была в беспамятстве. Потом отошла, конечно — жить-то надо. Одна у нее осталась радость, одно утешение — годовалый Гришенька. Но оказалось, что это утешение — не окончательное лекарство. Стала Аннушка чахнуть и через год скончалась от той же болезни, что и муж... Перед смертью Христом Богом просила хозяина не оставить Гришеньку. Платон Филиппович сказал с деланой суровостью:

— Ты, Анна, обожди раньше срока накликать на себя кончину, грех это... А ежели что, помни: Гриша для меня — родной. Я и перед мужем твоим в том крест целовал...

Гриша и в самом деле жил в семье именитого купца как свой, как Максаров. Правда, оставался Булатовым, но разницы в том не видел. Разве что порой мальчишки окликали его по сделанному из фамилии прозвищу — Булат. Да порой и дядичка Платон, покачивая головой на излишнюю резвость приемыша, вздыхал:

— Булат ты и есть, лихой татарчонок бухарский...

Но, по правде сказать, в Грише не было заметно татарской крови. Весь он оказался в мать — русский, светлоглазый, нос сапожком. Впрочем, и среди бухарцев немало встречалось таких... Лишь изредка, в сердитые минуты, серые с карими пятнашками глаза его щурились и

бросали колючие проблески, будто у какого-нибудь лучника из племени Кучума.

Но сердился он редко, нрава был покладистого, а если порой и баловался, то ведь так оно и положено по мальчишеской природе. С четырьмя девочками жил в согласии, будто с настоящими сестрами. А когда появилась пятая, — Лизавета-красавица — возился с ней не меньше, чем Аглая, Оленька, Танюшка и Катенька.

Здесь пора сказать, что Лизавета была не родная сестра четверем старшим, а сводная.

Сперва Платон Максаров (в ту пору молодой и, случалось, решительный без оглядки) женился на Елене Константиновне Гарцуновой, с которой познакомился в бытность свою в Петербурге. Что там было, в столице, Гриша не знал, да и девочки не знали — не детского ума это дело. Ясно только, что любовь была горячая, а кончилось все чуть ли не похищением и скорой скачкой за Урал. Оно и понятно. Максаров — он хотя и с немалым капиталом, а все же купеческого сословия (а дед его, и вовсе сказать, — из саратовских крепостных). А Гарцуновы хотя и без капиталов, с одним заложенным помещицем, а «голубая кровь», дворянство. Родня — в основном офицеры: гвардейцы да моряки. Разве можно, чтобы любимая сестра пошла за «торгаша»! Та, однако, братьев и тетюшек не спросила, а родителей не было.

Ну, до проклятий, до полного разрыва с родней дело не дошло, но и связей почти не осталось. Никто беглянку не навещал, а коротенькие письма с именинными поздравлениями приходили раз в году. Елена поначалу плакала украдкой, но радости в жизни было у нее не в пример больше. Потерявшая дворянство Елена Константиновна Максарова нашла эту радость в любви к мужу, в дочерях и в своем добром доме, где жизнь текла без обид и невзгод. Понимала она, правда, что у мужа в душе прячется досада: одна за другой появляются дочери, а так хочется наследника-мальчишку. Ну, да это уж как Господь рассудил, грех роптать...

Но не обошла беда и этот дом. Когда пришел час появиться на свет Катеньке, Елена Константиновна не выдержала трудных родов. Малышку спасли, но с первого

дня оказалась она сиротой. Случилось это вскоре после смерти Аннушки Булатовой.

Горевал Платон Филиппович сильно, ну да что поделаешь. И самому без жены, и дочкам без матери, с одними только няньками да кормилицами, — какая жизнь! И через четыре года после рождения Катеньки женился сызнова. На племяннице Никиты Данилыча Суровцева, что служил главным секретарем в Туренском пароходстве и владел там немалой долей акций (как, впрочем, и Максаров). Полина Федоровна хотя и не была дворянских кровей, но стáтью и пригожим лицом не уступала прежней жене Платона Филипповича. И характером была спокойна и ласкова. Девочки сразу привязались к ней, да и Гриша тянулся порой быть поближе, приткнуться под локоть в добрую минутку. Случай с лампой, он был единственный, когда тетичка Полина напугала Гришу до слез, ну да чего про то вспоминать...

Конечно, купец Максаров, взявши вторую жену, мечтал, что уж она-то подарит ему наследника. А появилась Лизонька. Платон Филиппович вздохнул про себя, но вслух горького слова не сказал, потому что грех Бога гневить. Тем более что Лизавета-солнышко обещала стать красавицей, в мать.

Так вот и жили. В восемь лет отдали Гришу в двухгодичное городское училище, но через год он его оставил. Потому что делать там было нечего: все науки, что давались в училище, Гриша без труда и за малое время освоил вместе с девочками, которые обучались у домашних наставников. А читать научился сам собой, даже раньше Аглаи. Книг в доме водилось немало, Платон Филиппович и сам был до них охотник. Заказывал и по почте, и привозил при всяком случае, когда ездил в иные города по торговым делам.

У Гриши были две самые любимые книжки. Это сшитые из старых журналов под одним переплетом «Картины природы» и «Конек-Горбунок», сочиненный Петром Павловичем Ершовым, про которого говорили, что служит он инспектором в Тобольской гимназии — той, куда на будущий год собирались отправить Гришу. В гимназию и хотелось (новое в жизни всегда завлекательно!), и

страшно было оторваться от привычного дома. Ну да ладно, до будущей осени времени еще немерено...

А пока что — синие зимние вечера да серебряный месяц в искрящейся снежной пыли...

Туманные картины

1

Арину все-таки усадили в сани и с хохотом повезли вниз по Ляминской — к маленькой площади среди заметных снегом заборов и спящих в куржаке берез. Сюда сходились три улицы: кроме Ляминской, еще Архангельская и Полицейская, которая тянулась через город от реки.

Надо сказать, что обязательных уличных названий, записанных в документах городской управы, в ту пору в Турени еще не было. Не названия, а так — скорее, прозвища. Полицейская — оттого, что в начале ее, у реки, дом полицейской управы. Архангельская — это понятно, из-за церкви. А Ляминская — потому что рядом, у ближнего перекрестка, неширокое, но длинное озерцо. А по правде сказать — невысыхающая лужа. У озерца этого — невесть откуда взявшееся имя, Ляминское. Вот и улица с тем же названием...

Но если кто-то прислал Платону Филипповичу или Полине Федоровне письмо, то на конверте такого названия не было, а стоял адрес: «Г-ну Максарову (или г-же Максаровой), в собственный дом, что у Городищенского лога, неподалеку от Михаило-Архангельской церкви, г. Турень». А один раз даже написали: «...что у Ляминского озера».

«Озеро» — глубиной по колено. Однако же и от него была польза. Зимой, когда оно замерзло, лед расчищали, и можно было гонять на коньках. Коньки мастерил ребяташкам все тот же Кондрат Алексеич Луков. В аккуратные деревянные колодки с дырами для веревок вставлял он железные полосы от обручей, натачивал их — и кататься на здоровье. У Гриши, кстати, были и настоящие коньки, дядичка Платон привез откуда-то в подарок. Но

Гриша на них катался нечасто, больше ему нравились санки...

Сейчас доносились от озера мальчишечьи вскрики и смех. Гриша мельком подумал, что, наверно, не на коньках там нынче носятся, а играют в «буру́». Это когда ходят гладкий, застывший на морозе катыш конского помета и гоняют его по льду пимами, стараясь попасть по ногам друг дружке. Это ладно, когда по ногам, а бывает, что и по носу или по губам. Несладко, но все равно смех...

У входа в двухэтажный трактир Фомы Колокольцева горел пузатый фонарь. Да и без фонаря было светло. Месяц набрал силу и сиял теперь в позеленевшем небе, как горячая полная луна. Белая колокольня Михаила-Архангела впитывала его лучи и будто светилась изнутри. Тонкий крест отражал лунное золото, маковка под ним горела так, будто от месяца отскочил осколок и застрял там, разгораясь со своей собственной силой. Сказка, да и только...

Гриша остановился на полминутки, чтобы вобрать в себя такую сказку, потом кинулся догонять сани. С этого места, недалеко от лестницы, ведущей к переправе через лог, Ляминская поворачивала вправо и становилась уже настоящей улицей — не односторонкой, как прежде. Это потому, что лог заворачивал еще правее, как бы отодвигал Городище от главной части Турени... В ставнях светились щели. Вообще-то не было большой нужды запирать на ночь окна ставнями: не случалось в этих местах больших краж со взломами (хотя городищенские порой пошаливали). Но как-то прочнее ощущаешь себя, если стекла закрыты дощатыми створками, а те перехвачены железной полосой, запертой изнутри на длинный шкворень и болт. Будто в крепости...

Окна Максаровых тоже были за ставнями, тоже тепло светились тонкими щелками. С улицы максаровский дом казался небольшим. Всего три окна под двускатной крышей да сбоку пристрой с крыльцом. Окна, правда, высокие, с хитрой резьбой по наличникам и карнизам (понятно, что работа Кондрата Лукова), навес над крыльцом — с подпорками из кованого кружева, водосточные трубы — с жестяными теремками на верхушках. Те же теремки — на столбах ворот, а сами ворота — в накладных деревян-

ных узорах с птицами-павлинами. Но размеры дома ничуть не больше, чем у всех других на Ляминской. Посторонний человек глянет и не догадается, что за забором дом тянется далеко в глубину двора, лепит к себе пристройки, нарастает вверх просторным мезонином. А вокруг — навесы, сараи и конюшни, за которыми разросся сад с яблонями, черемухой и сиренью. Этот сад задним своим краем выходит прямо к началу Спасского бульвара, который насадили недавно для прогулок и развлечений городской публики...

Ариане помогли выбраться из саней у калитки. («Ох, греховодники, вот скажу Платону Филипычу, он вам задаст...») Со двора толпой ввалились в холодные сени, где пахло стылými досками, рогожей и мерзлой капустой из приткнувшейся в углу бочки. Потом — в теплые, где запахи свежих пирогов и керосина от лампы мешались с еле уловимым, но всюду проникающим ароматом духов Полины Федоровны. Разматывали шарфы и шали, вытряхивали из валенок не успевшие растаять комки снега. Девчонки — те сразу в гостиную. А Гриша — сперва в свою «камóру», где стол с тетрадами и чернильницами, старинный шкаф с любимыми книжками и всякими вещицами (в коем немалый беспорядок), кровать с медными шишками на витых железных спинках и печная изразцовая стенка в углу (дверца от печи — в другой комнате). Охватившее со всех сторон тепло разбудило в теле запоздалый озноб — короткий и сладковатый. Гриша потряхнул слипшимися локонами и потянулся. Толстые чулки пахли отсыревшей шерстью, Гриша стянул их, прыгая то на одной, то на другой ноге, кинул на приступок у печки. Сунул голые ступни в домашние шубенки. Подтянул штаны, одернул вышитую косоворотку, поправил поясок и пошел здороваться с дядичкой.

Сестры, повизгивая, вертелись вокруг отца, что-то говорили, не слушая друг друга. Лизавета сидела на папенькином плече. Гриша сказал сдержанно:

— С приездом, дядичка Платон. Добрый вечер...

Платон Филиппович сразу весь обратился к Грише. Широкий, густобровый, с улыбкой, пробившейся сквозь курчавую бородку.

— И тебе добрый вечер, Гришуня! Как тут жил-существовал? Смотрел ли за нашими красными девицами? У них ведь только хиханьки-хаханьки в голове, нужен строгий глаз, а ты здесь, когда меня нет, один из мужского племени...

— Смотрел, сколь хватало сил, — полушутя соврал Гриша. Потому что по правде-то смотрела за девчонками (и за Гришей заодно) старшая сестра — деловитая и рассудительная Аглая.

«А любопытно, чего он мне привез?» — сама собой щекотала его мысль. Не был Гриша попрошайкой и жадной, но ведь не бывало и случая, чтобы дядичка вернулся из поездки без подарков для каждого из домашних.

На сей раз, однако, Платон Филиппович привез один подарок для всех детей. В большой гостиной, где стоячие часы и фортепьяно, возвышался на круглом столе ящик красного дерева с глазастым выпуклым стеклом. Сверху ящика была крышка с костяным шариком, сбоку — медное колесо размером с блюдце.

— Туманные картины... — таинственным шепотом сказала Грише Оленька.

Гриша кивнул. Про туманные картины он знал. Однажды в училище лысоватый щуплый наставник Иван Елисеич взялся показывать такие картины первому классу. Объяснил, что будут виды Петербурга и Москвы. Но свет из ящика был слабый, лучи увязали и запутывались в жиденьких клубах пара, который поднимался над разогретым двумя лампами медным тазиком. Смутные очертания каких-то домов и башен (не разберешь, где Москва, а где Петербург) колыхались, таяли, пропадали. Мальчишкам это надоело, стали шуметь и плевать друг в дружку жеваными бумажками. Иван Елисеич торопливо сказал, что на этот раз представление окончено, а потом будет снова, когда аппарат приведут в порядок. Но никакого «потом» не случилось (или случилось, когда Гриша уже покинул училище).

Но теперь он понимал, что никакой неудачи и непонятности не будет. Потому что ящик (называется «волшебный фонарь») был не в пример больше и красивее того, что в училище. А устройством пара занималась тетич-

ка Полина. А уж она-то, если за что берется, все делает в лучшем виде. На перламутровом столике (на том, с которого Гриша когда-то сшиб лампу) она расставила длинные ванночки с горелками под ними, зажгла фитильки. В ванночках зафырчало, стал частыми струйками подниматься прозрачный парок. Скоро он сделался гуще, слился в одно облако, заколыхался, будто вздернутая ветром скатерть.

Аглая вполголоса рассказала Грише, что папенька купил эту хитрую вещь в Ирбите, где в нынешние дни шумела-кипела известная на всю нашу Империю ярмарка. Туда привозили товары не только из российских губерний, но бывало даже, что из иных стран. Аппарат был немецкой фирмы и назывался мудреным словом «Рау-хен-бильд-верк» или что-то вроде того (девчонки рядом уважительно хихикнули) и что к нему прилагаются три дюжины стеклянных картинок, из которых и получают в тумане большие картины. Почти как натуральные виды...

Грише страсть как хотелось сунуться поближе к удивительному ящику, но он себя сдерживал. Над аппаратом колдовал сам Платон Филиппыч, который сказал:

— Уважаемую публику прошу не толкаться у меня под руками. Сначала все налажу, покажу первый раз, а дальше ломайте, как хотите...

Впрочем, скоро он сам позвал Гришу:

— Свет-Григорий, иди-ка, помоги... Вот смотри: в эти рамки надо вставлять картинки вверх ногами...

— Отчего же вверх ногами? — поразился Гриша.

— По закону науки оптики... Потом поправляешь этот отражатель, чтобы огонек точно был посередине...

Перед вогнутым зеркалом размером с тарелку горел в ящике яркий огонек медной лампочки. Свет как бы протыкал стеклянную картинку в жестяной рамке впереди. Остальные рамки ждали своих картинок и были похожи все вместе на страницы широко распахнутой книжки. Гриша, сопя от волнения и слегка обжигаясь о лампочку, стал вставлять стеклышки, которые подавал дядичка. Рамки сами поворачивались под пальцы, потому что дядичка тихонько вертел колесо. Наконец вся вертушка из двенадцати рамок была заполнена. Платон Филиппович усилил

огонек. Подошла Полина Федоровна, глянула на оставленные картинки, покачала головой:

— Ох, мужчины! Вы не знаете порядка. Надо было ставить по номерам, иначе все станет непонятно... Вот, на бумаге есть список...

Упрек был, конечно, прежде всего мужу, и Гриша храбро заступился за дядичку:

— Ничего! Если беспорядок, это даже интереснее!

— Ну, безусловно... кое для кого, — сухо вато сказала тётичка. Наверно, вспомнила Гришин шкаф. Но больше не спорила.

— Почтенную публику просят занять места! — возгласил Платон Филиппович. Девочки со стуком и возней расположились на стульях. У двери шумно дышали Арина и приказчик Сергей Фомич, заглянувший к хозяину по какому-то делу да так и застрявший у порога. Гриша остался рядом с дядичкой, у волшебного фонаря. Здесь же была и Полина Федоровна — она держала лист бумаги в свете, падавшем из бокового оконца ящика.

— Ну-с, приступим, — важно, однако с некоторой опаской проговорил Платон Филиппович. И двинул в ящике вверх черную заслонку.

Широкий светлый конус ударил из аппарата в полутьму комнаты.

2

Сперва было тихо, потом Арина у двери шепнула:

— Батюшки-светы...

А Оленька (Гришина ровесница) выдохнула:

— И-зу-ми-тельно...

В светлых клубках, как в прозрачном облаке, встало видение города. С острыми крышами, тонкими узорчатыми башнями, флюгерами, колокольнями и мачтами кораблей, что прижимались к высоким каменным причалам. Реяли вымпела и флаги. Круглый дым висел пред стволом пушки, которая, кажется, только что выпалила в честь прибывшего судна... Все это было в неярких, но теплых полукрасках — оранжевая черепица, желтоватые

фестоны парусов, бледное небо с волокнами облаков, серый камень...

— Картина номер четыре, — слегка торжественно сообщила Полина Федоровна. — Портовый город Амстердам в Голландии... Платон Филиппыч, тебе не кажется, друг мой, что слегка мутновато?..

— Сейчас, сейчас... — Дядичка Платон двинул ободок переднего стекла, и контуры города обрели удивительную четкость. Он стал будто настоящий. Вот сделай пару шагов — и окажешься там, у горбатого моста через канал, под вывеской лавки, на которой нарисован корабль с круглыми, как пузыри, парусами...

Вода в ванночках булькала, струи пара колыхались. Казалось бы, и город должен был колыхаться с ними, но он стоял прочно, неколебимо. И в то же время сказочно... Вот бы оказаться там хотя бы на полчаса, глянуть на иноземные чудеса!

Платон Филиппович шевельнул колесико. Картинка сменилась, будто от взмаха крыла.

— Ай! — разом сказали Катенька и Танюшка, а храбрая Лизавета обрадованно засмеялась.

Сквозь переплетение разлапистых листьев и висячих растений смотрела на людей громадная тигриная морда. С черными разводами на оранжевой шерсти, с беспощадно-белыми великанскими клыками, с точками света в прозрачных желтых глазах. Совершенно живых...

Гриша и раньше видел похожего тигра. В старом журнале «Картины природы» было напечатано изображение размером в целый лист. Такая же голова среди зарослей. Но там была гравюра, без красок. Тонкие линии сплетались в выразительный рисунок, но... рисунок, да и только. А здесь — будто зверь-великан оказался прямо в комнате. И смотрел на всех... не то чтобы кровожадно, однако по-хозяйски. «Что захочу, то с вами и сделаю...»

— Страх какой... — выдохнула Арина. И Грише, по правде говоря, тоже стало страшновато, хотя ясно ведь, что ничего здесь нету, кроме света и пара... А Полина Федоровна, любившая порядок, прочитала:

— Номер двадцать два. Царь уссурийских джунглей тигр...

— Хотя какой там номер, а в зубы ему не попадайся... — бормотнул у дверей Сергей Фомич.

— Ну, побоялись? — спросил Платон Филиппович со снисходительной важностью (будто это он сам изловил и привел в дом тигра). — Поехали дальше...

Дальше появилась картина номер четырнадцать — египетский сфинкс и пирамиды. Это Гриша тоже видел в журнале. И по правде говоря, больше пирамид и каменного сфинкса с отбитым носом его интересовали шагавшие на первом плане верблюды. Что там у них в полосатых тюках? Какие восточные товары?..

— Говорят, что сфинксу отбили нос наполеоновские солдаты во время своего неудачного египетского похода, — разъяснила Полина Федоровна.

— Зачем? — удивилась любопытная Танюшка.

— Потому что безобразники. Их плохо воспитывали...

Гриша ощутил какую-то виноватинку, хотя к нему эти слова не имели касательства. Едва ли тётчика помнила сейчас про лампу.

— Если хочешь, попробуй сам... — шепнул Грише Платон Филиппович, показывая на колесо волшебного фонаря. Меняй, мол, картинки...

— Ага, хочу... Ой, нет. Лучше я после... — показалось вдруг, что прямое прикосновение к аппарату разрушит волшебность происходящего...

— Ну, как знаешь... — понял его дядичка и послал в облако пара новое видение.

Это была буря на море. Такая, что казалось, будто и впрямь дохнуло на всех ветром и брызгами. Зеленые волны с гребнями вздымались в немыслимую высь, пробившееся солнце заполняло небо беспощадным оранжевым светом. Не было в солнце радости и ласки... На громадном обломке мачты лепились друг к дружке измученные люди, один вскинул в руке красную тряпицу — видать, сигнал о помощи. А от кого ее ждать? Ожидалось иное: грозная водяная гора с тучей пены на гребне надвигалась на несчастных и готова была смять их, поглотить, сделать так, словно никогда не было на свете этих людей...

— Номер двадцать девять. Копия новой картины знаменитого морского живописца Айвазовского «Девятый

вал»... — стала объяснять Полина Федоровна. — Я читала в журнале толкование, что девятый по счету вал в череде ураганных волн — самый грозный, он несет тем, кто терпит бедствие, гибель. И все же не совсем неминуемую. Вал может и помиловать несчастных. Это уж какая у кого судьба...

«А у *этих* какая судьба?.. — застонала под сердцем у Гриши тревога. — Спасутся ли? Сохрани их, Господь...»

А разноцветной буре не было дела до крохотных людей. Может, поглотит в пучине, а может, и помилует, но это так — не обратив внимания...

— ...такие удивительные краски, — опять донесся голос тёточки Полины. — Конечно, здесь они не так различимы, как в природе, да и перенести их в точности на маленький кусочек стекла невозможно. И все же какое грозное впечатление, не правда ли?

В колыхании клубов пара волны казались подвижными (не то что башни Амстердама) — медленно выростали, надвигались...

— ...Я первый раз вижу это известное полотно в красках, раньше смотрела только на гравюрах... Кстати, оно не столь уж новое, написано три года назад...

— Ну, так ведь и стеклянная картинка могла быть изготовлена тогда же. И объяснение к ней, — осторожно заметил Платон Филиппович. — И пока это дошло до нас...

Гриша почуял, что дядичке Платону (как и ему, Грише) не очень-то по душе нравоучительные нотки, которые пробивались в речи Полины Федоровны. Такие же, как в голосе приходящей три раза в неделю учительницы Натальи Евграфовны, которая обучала девочек и Гришу чтению, письму и арифметике... Та была вдовою известного врача Ермилова и очень ученой женщиной. Полине Федоровне тайно хотелось быть такой же...

— Ах, но мы увлеклись. Детям не следует так долго впитывать столь сильное впечатление, особенно незадолго до сна... Что там у нас дальше?

Дальше были венецианские каналы и гондолы, горы Гималаи, портрет знаменитого баснописца дедушки Крылова, схватка с горцами на Кавказе, несколько видов с

парками во Франции (они не очень различимы были в поредевших клубах пара)... И вот возник вдруг корабль!

Он двигался из беспокойного облака прямо на Гришу — летучий, стройный, с тугими от попутного ветра парусами. Пена крыльями отлетала от острых скул корабельного корпуса. Узкий треугольный парус изогнулся полумесяцем над передней, наклоненной над водой мачтой, которая (Гриша помнил!) называется «бугшприт»...

В корабле было движение! Стремительность! Слияние с ветром! И не беда, что пар уже поредел и рисунок стал размытым (не поймешь даже, сколько у корабля мачт). В этой размытости была лишь добавочная тайна, манящая недосказанность, зов пространства...

— Картина номер восемь. Парусное судно в Атлантическом океане... Ну, вот и все, дорогие мои. Остальное — завтра. Пора ужинать.

— Ну, ма-а-аменька!.. Ну, тётичка Полина! Еще чуть-чуть! Этот корабль!..

— Всё-всё-всё... Чувствуете, как пахнет пирогом с кухни?

Пахло и правда так, что засосало в желудке. К тому же долго спорить со взрослыми было не принято. Можно, конечно, слегка поканючить и поупрямиться, но не сверх меры.

Платон Филиппович погасил лампочку волшебного фонаря, Арина внесла большую лампу.

— Гриша, там какой-то мальчик с санками позвонил у ворот, спрашивает тебя...

— А, это Грач! Я же говорил ему, пусть оставит у калитки!

— А он хочет что-то сказать тебе. Я впустила...

«Поломал небось», — мелькнула сердитая мысль. Гриша выскочил в студеные сени, где горела в жестяном фонаре свечка. Холод цапнул его за голые лодыжки.

Ефимка смотрел насупленно, однако без боязни. И санки, кажется, были целы.

— Ну, чего? Накатались? — неловко сказал Гриша.

— Ага...

— Агейку не забижал?

— С чего бы это забижать малóго? Мы с ним ладóм...

А я чего зашел-то! Агейка просил тебе отдать вот это. Вроде как подарок... — Ефимка Грач выдернул из рукавицы ладонь, разжал пальцы. На вспотевшей ладошке Гриша увидел треугольный осколок, в котором отразилась свеча.

— Это чё?

— Стеклышко зеленое. Если днем глянешь в него вокруг, сразу будто не зима, а лето... Ну, для тебя это небось мусор, а для него целый клад. Он тебе его и послал. Как спасибо за санки, значит... Ты не выбрасывай...

Гриша с непонятым смущением взял осколок. Глянул сквозь него на фонарь. Огонек свечи стал похожим на свежий березовый листик. И запахло, будто не капуста из кадки, а молодой травую...

— И впрямь как лето, — неизвестно чего стесняясь, проговорил Гриша. — Зачем это я стану выбрасывать, скажешь тоже... В него ежели почаще глядеть, то и впрямь тепло придет поскорее...

— Впрямь... — серьезно подтвердил Ефимка.

Гриша без прежней досады скользнул по нему глазами — от лохматой шапки до растоптанных пимов.

— А ты... это. Если хочешь, раздевайся, да айда к нам ужинать. Арина пирог сготовила с нельмой. И чаю с медом напьемся.

Гриша знал, что за столом Ефимку примут по-доброму. Не было еще случая, чтобы в доме у Максаровых косо смотрели на приведенного с улицы гостя.

Грач ответил степенно:

— Благодарствую. Только домой надо сию минуту, а то ох как достанется, что поздно. Бабка уши надерет. У нее пальцы костяные, как у Бабки-Яшки... Ну, бывай...

— Бывай... — сказал Гриша в спину Ефимке. А вернее — морозному облаку, что влетело в сени, когда Ефимка пропал за дверью...

Гриша снова поглядел через стеклышко на свечу. «Листик...» А рядом будто задышал еле слышно конопатый Агейка.

— Гриша, где ты там? — окликали его из комнат. — Простынешь ведь!..

...После ужина потянуло в сон. Оно и понятно — вон

как намотались в логу среди снега, а после — сказочные картины да горячий чай с медом и калачом...

Но девочкам казалось, что спать еще не пора. Кто же ложится, если нет даже девяти часов!

— Гриша, почитай книжку, — пристали Танюшка и Катенька.

— Сами разве не умеете?

— У тебя лучше получается, — приластилась Катенька.

— Да какую вам книжку, неумные?

— А какую сам читаешь...

— Я про рыцаря Дона-Кишота читаю, вам неинтересно...

— А ты прочитай про Конька-Горбунка, — надоумила Оленька.

— Вы же про него тыщу раз слышали!

— Ну дак и чего такого, — сказала Танюшка. — Можно и две тыщи...

— Беда с вами...

Они пошли в большую комнату, где стояли кровати девочек. Расселись на широкой постели Аглаи, каждый сунул под себя подушку.

— Гриша, а книжка-то где? — напомнила Катенька.

— Ему зачем... — усмехнулась Оленька. — У него же память и-зу-ми-тельная...

И вправду, «Конька» Гриша знал наизусть. Он прикрыл глаза и заговорил чуть монотонно и привычно:

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе.

У старинушки три сына:
Старший умный был детина...

Слова говорились сами собой, для сопящих рядом сестер, а для себя Гриша думал про другое. Про тот корабль, что совсем недавно видел он в облаках пара — будто в настоящих облаках, клубящихся над океаном. Есть же на белом свете счастливые люди, которым довелось в жизни ходить под парусами, видеть дальние моря и страны!..

Он, конечно, не знал в тот момент, что с ним случится такое же через недолгое время...

СОДЕРЖАНИЕ

БРИГ «АРТЕМИДА». <i>Сказка о гальнем плавании</i>	5
ДАГГИ-ТИЦ, <i>Повесть</i>	267